

На следующий день после снегопада Лу Ян собрался в уезд продавать овощи. Проснулся он, как и всегда, среди ночи.

После свадьбы его никто не торопил с работой, и он сам не спешил вскакивать с постели, привыкая к новой жизни. Проснувшись, он позволял себе еще немного полежать.

Снег принес с собой холод, но на горячем кане, под теплым одеялом, в объятиях того, кто лелеял его, словно сокровище, — все это были веские причины для промедления.

Се Янь спал беспокойно, во сне обвивая его руками и ногами. Хотя поза и не казалась неудобной, стоило Лу Яну проснуться, как по всем косточкам пробежали мурашки, вызывая зуд и ноющую боль. Ему непременно нужно было пошевелиться, но как бы он ни вертелся, облегчения не наступало. Только встав с кана и занявшись делами, он чувствовал себя лучше.

Как бы осторожно он ни двигался, Се Янь все равно просыпался.

— Снег идет, давай еще поспим, — пробормотал он сонным, немного гнусавым голосом, в котором слышались капризные нотки.

— Ты спи, — ответил Лу Ян, — а мне нужно овощи продавать.

Он говорил об этом вчера, но Се Янь, видимо, не принял его слова всерьез. Он резко открыл глаза, но они тут же стали слипаться от недосыпа. Он принялся моргать, и из глаз потекли слезы.

— Может, завтра? На улице холодно.

В комнате еще не зажигали свечей, царил полумрак. Лу Ян не видел лица своего чжуаньюаня, но по голосу уловил его настроение и с улыбкой ответил:

— Дальше будет только холоднее, и снежных дней прибавится. Что же нам, совсем из дома не выходить?

— Сначала поспим, — немного растерянно проговорил Се Янь, — а когда проснемся, я пойду с тобой.

Вдвоем они справятся быстрее, а значит, можно еще немного поспать.

Но Лу Ян уже не мог уснуть, он привык вставать так рано.

Се Янь зевнул и спросил:

— Хочешь, я почитаю тебе? Мои одноклассники всегда засыпают, когда я читаю.

Лу Ян оживился. Еще никто и никогда не убаюкивал его.

— А ты? Ты сам не засыпаешь, когда читаешь?

— Вроде нет, — ответил Се Янь.

Лу Ян перевернулся под одеялом, высвобождаясь из объятий. Он ворочался и так, и этак, пока остатки тепла не улетучились, и только найдя удобное положение, притянул Се Яня к себе. Погладив его худой, плоский живот, он сказал:

— Я готов. Можешь начинать.

Се Янь промолчал.

Дольше готовился, чем суп варил.

Он знал наизусть множество книг, но для Лу Яна выбрал «Тысячесловие».

От «Небо и Земля темны и желты» до «Как же так, о, увы».

Лу Ян думал, что не уснет, что ему станет скучно, но на самом деле он очень устал. После недолгого разговора с Се Янем, сменив позу, в умиротворяющем, ровном голосе чтеца, он провалился в сон на удивление быстро.

Се Янь мысленно считал. Примерно на шестидесятом иероглифе дыхание Лу Яна стало ровным и глубоким, а к сотому — совсем тихим и спокойным.

Лу Ян уснул, а Се Янь, наоборот, окончательно проснулся.

С раннего детства он каждый день вставал на рассвете, чтобы читать. Ему было трудно просыпаться, и даже сидя за столом, он клевал носом. Тогда его отец велел ему читать вслух «Тысячесловие».

Начинал он свое обучение с «Ста фамилий», и до «Тысячесловия» еще не дошел. Отец сказал ему, что если он сможет выучить его наизусть и прочитать утром, то сможет пойти досыпать.

Память у него была хорошая, но он не знал многих иероглифов, и это его мучило. Он помнил их начертание, но не знал, как их произнести. Так продолжалось три месяца. Каждое утро он вставал, и к тому времени, как он выучил все иероглифы и мог прочитать «Тысячесловие» наизусть, желание досыпать у него пропало.

Словно его мозг, медленно пробуждаясь в утренней дреме, полностью прояснялся.

Его завораживала способность быстро запоминать тексты, и он жаждал читать все больше и больше.

Он давно не брал в руки книг.

Для государственных экзаменов нужно было знать одно из «Пяти канонов», он же выучил все пять.

Обнимая своего супруга, Се Янь лежал неподвижно и, закрыв глаза, пытался восстановить тексты в памяти. Многие места оказались забыты, вспоминались с трудом.

Он перебирал в уме обрывки фраз, пока снаружи не послышался тихий шорох. Он замолчал.

Лу Ян, дремавший у него на груди, был очень чуток к шуму. Даже тихие шаги за дверью заставили его проснуться.

Короткий сон придал ему сил. Открыв глаза, он без всякого сожаления покинул теплое ложе. Быстро оделся, в несколько движений собрал волосы, обулся и вышел из комнаты, даже не взглянув на Се Яня.

Се Янь растерянно лежал на кане. Он потер глаза, постучал себя по голове, подозревая, что все еще спит.

Что случилось? Он убаюкивал своего супруга, так почему тот рассердился?

Он тоже встал и пошел искать Лу Яна.

Лу Ян уже был на кухне. Услышав шаги Чжао Пэй-лань, он тут же отправил свекровь отдыхать, взяв приготовление завтрака на себя.

Они поставили себе цель накопить денег, и времени было мало, поэтому еда в доме стала скромнее. Никаких мясных баоцзы, жареного мяса или лапши с утра. Он сварил кашу, подогрел соленья и пожарил тарелку овощей.

Когда вошел Се Янь, он нашел минутку, чтобы подразнить его:

— Я человек деловой, не могу утопать в нежностях.

На самом деле, Лу Ян просто не привык.

Если бы он не уснул, то они бы еще немного подурачились, и все было бы как обычно.

Но он уснул, и нить разговора оборвалась. Он не знал, как теперь вести себя с Се Янем.

К счастью, его чжуаньюань оказался простаком и сам пришел к нему.

Услышав его слова, Се Янь смутился.

Лу Ян весело рассмеялся, но не заметил, как от смеха снова свело желудок.

Он прижал руку к животу, недовольный. Почему даже радость приносит боль?

— До смеха довел, это все ты виноват, — сказал он Се Яню.

— Да, да, виноват, — покорно согласился тот и налил ему чашку горячей воды.

Лу Ян взял воду, выпил, и боль утихла. Но он все равно упрекнул Се Яня:

— Я от смеха задыхаюсь, а ты мне горячую воду даешь?

Се Янь уже слышал это раньше. В прошлый раз, когда Лу Ян «задышался от смеха», он сказал то же самое.

Он повторил свою «ошибку», потому что видел, что горячая вода действительно помогает.

— Я вижу, что тебе нужна горячая вода, — сказал он.

Глядя на его простодушное лицо, Лу Ян усмехнулся:

— А ты молчун, но все подмечаешь.

— Потому что я все эти дни только на тебя и смотрю.

Спокойные слова Се Яня всегда попадали Лу Яну в самое сердце.

Этот взгляд не был надзором, это была любовь, желание смотреть не отрываясь, страх, что он исчезнет.

Лу Ян снова рассмеялся, на этот раз искренне. Смех сотрясал все его тело, и желудок снова заболел. Он несколько раз пытался сдержаться, но при виде Се Яня снова хотелось смеяться. В конце концов, он выгнал его из кухни, велел отнести матери воды для умывания. Оставшись один, Лу Ян немного успокоился.

Он глубокомысленно заключил: «Счастье тоже бывает болезненным».

Завтрак был скромным. Се Янь сказал Чжао Пэй-лань, что сегодня хочет поехать в уезд вместе с Лу Яном.

Чжао Пэй-лань попыталась их отговорить, предлагая отдохнуть денек.

— Остался всего месяц, — возразил Лу Ян, — а Се Яню еще нужно учиться.

Чжао Пэй-лань замолчала. Через некоторое время она спросила:

— Может, останетесь в уезде?

Ездить туда-сюда, даже на повозке, утомительно. Лавку они уже прибрали, можно было бы переночевать там.

Но Лу Ян покачал головой:

— Дела в деревне еще не решены. Если мы уедем в уезд, то потеряем контроль, и потом будет еще больше проблем. Живя в деревне, хоть и устаешь от дороги, зато держишь руку на пульсе. Когда нужно — занимаемся делами, а по возвращении — ходим по гостям, сеем раздоры, так удобнее.

Деревенские дела были их общей головной болью.

После завтрака Чжао Пэй-лань вернулась в свою комнату и вынесла пару сережек, протянув их Лу Яну.

— Найди ломбард и продай их. Собрать семь лянов за месяц — это слишком трудно. Посмотри, сколько за них дадут.

Серьги были из нефрита. Лу Ян не разбирался в качестве камня, но узнал материал крючков — золото.

Семья Се действительно когда-то была богатой.

Лу Ян заметил удивление и нерешительность на лице Се Яня и догадался, что эти серьги, возможно, подарок его отца матери. Он не взял их.

— Матушка, серьги слишком маленькие, в ломбарде за них много не дадут, а я из-за этого разлежусь. Увижу, что у нас есть деньги, и расслаблюсь, и то, что могли бы накопить, не накопим. Оставьте их пока у себя. Я попробую еще. Когда придет время платить за обучение, посмотрим, сколько будет не хватать, тогда и добавим.

Чжао Пэй-лань посмотрела на Се Яня и протянула серьги ему:

— А Янь, тогда ты возьми.

Она боялась, что Лу Ян просто стесняется.

Се Янь сжал кулаки, ему было очень стыдно.

Мать отдает последнее украшение, а его супруг вынужден работать в снегопад. И все из-за него, потому что он не может заработать денег, а только тратит.

Лу Ян, видя это, мягко опустил руку Чжао Пэй-лань, помогая ей убрать серьги.

— Матушка, оставьте их. Мы с А Янем еще посмотрим, что можно сделать. Эти серьги — наш последний рубеж, нельзя сдаваться так рано.

Чжао Пэй-лань снова протянула руку Лу Яну, но тот с улыбкой отстранил ее:

— Правда, не нужно. Я обязательно отправлю Се Яня учиться. Будьте спокойны, если мы не накопим на обучение, я вам напомню, не сомневайтесь.

— Ты так мучаешься, — глаза Чжао Пэй-лань покраснели.

Она велела Се Яню больше помогать Лу Яну.

Учеба, конечно, важна, но несколько дней ничего не решат. В следующем году, когда Се Янь поступит в академию, все ляжет на плечи Лу Яна. Сейчас, пока есть возможность, нужно помогать, чтобы не обидеть человека.

Се Янь все понимал. Выйдя из дома, они сначала зашли к Лу Линю.

Ни муки, ни свежего мяса в доме не было, поэтому нанятые помощники сидели без дела. К тому же, история со скупкой овощей наделала много шума, а Лу Ян еще не успел поговорить об этом с Лу Линем.

Семья Чжан, в которую вышел замуж Лу Линь, была в родстве с деревенским старостой Чжан Да-ши — его свекор был братом старосты. В прошлом они соперничали за этот пост, и с тех пор семьи не общались.

Дом у них был не такой большой, как у Се, но по деревенским меркам считался хорошим. Лу Линь был замужем за Чжан Те уже год, и муж во всем его слушал — был честным и покладистым человеком.

Лу Ян зашел к Лу Линю с просьбой.

— Брат Линь, когда будешь ходить по гостям или кто-нибудь придет к тебе посплетничать, пусть слух, будто мы с Се Янем на продаже баоцзы немного заработали, но кто-то пришел и все отобрал. Кто именно — скажи, что не знаешь. Раз денег нет, мы не можем купить ни муки, ни мяса, дело с баоцзы встало, вот и приходится в снег овощи продавать, чтобы хоть на хлеб заработать.

Лу Линь согласился. Зимой все сидят по домам, ходят в гости и сплетничают. В деревне сейчас оживленно, так что подбросить слушок — дело нехитрое.

— Ты что, и сегодня пойдешь овощи продавать? На улице снег, отдохнул бы денек.

— Некогда отдыхать, — покачал головой Лу Ян, — дома шаром покати.

Он продолжил о продаже овощей:

— Я не просто так скупаю овощи у матушки Ша Чжу, это для дела. Вам я это поручить не могу. Когда сегодня куплю муку и мясо, приходите снова помогать.

— Ничего, — улыбнулся Лу Линь, — в деревне сейчас суматоха, с овощами тоже морока, а месить тесто теплее.

Видя, что Лу Ян настроен решительно, он вернулся в дом и вынес перчатки и шапку.

Шапка была из кроличьего меха, ее сшил ему отец — она хорошо защищала от ветра и холода. Перчатки были ватные, в такую погоду легко промокали.

— Я зимой редко выхожу, — сказал Лу Линь, протягивая их Лу Яну. — Носи пока, не мерзни.

Лу Ян посмотрел на шапку и перчатки и взял их.

Раньше он боялся уходить из дома Чэней. Мир жесток, особенно к гээр. Но, покинув их, он обнаружил, что на свете все-таки больше хороших людей.

Выйдя от Лу Линя, они направились к дому Ша Чжу.

Голову Лу Яна можно было и поморозить, а вот голову его чжуанъюаня — нет. Он надел шапку на Се Яня.

Се Янь отказался. Причина заставила Лу Яна рассмеяться.

— Шапку чужого супруга я не надену.

Значит, и перчатки носить не будет.

Лу Ян не мог сдержать смеха. Он смеялся, а Се Янь испуганно смотрел на него, боясь, что тот снова начнет задыхаться.

Вскоре они дошли до дома Ша Чжу. Лу Ян окликнул хозяев, и матушка Ша Чжу тут же вышла, ее смех разнесся по тихой, заснеженной деревне.

— А вот и ты! Я уж думала, ты вчера пошутил. Кто ж в снег овощи продает? Зашел в гости?

Но Лу Ян действительно собирался продавать овощи.

Матушка Ша Чжу лишь хотела его подбодрить. Услышав, что он не шутит, она на мгновение замерла.

Этот супруг ученого, этот, как все говорили, грозный маленький супруг, и вправду был таким.

В снежную погоду даже мужчины в деревне не выходили на заработки. В Лу Яне была какая-то жесткость, которая вызывала у нее и уважение, и страх.

— Тогда подожди, — улыбнулась матушка Ша Чжу, — я пошлю их собрать овощи. У меня семья большая, быстро справятся.

Лу Ян без церемоний вошел в дом и усадил Се Яня ждать.

Было раннее утро, и гости еще не проснулись. В доме Ша Чжу бодрствовали только молодые невестки и супруги. Приготовив завтрак для всей семьи, они собрались вместе за шитьем.

Матушка позвала Ша Чжу, и тот, войдя в главную комнату и увидев Лу Яна, испугался:

— Я... я сегодня помогу тебе с повозкой?

— Можно, — кивнул Лу Ян.

Было слишком холодно. Чтобы править, нужно было держать вожжи, и даже в перчатках руки мерзли. Пусть Ша Чжу правит.

Ша Чжу, который просто спросил, промолчал.

Действительно, все проблемы от своего языка.

Лу Ян вел себя как дома. Он сам налил себе чаю, потрогал чашку, убедился, что она теплая, и отдал Се Яню, чтобы тот грел руки.

Се Янь был столь же бесцеремонен. Он велел Ша Чжу принести семечек и арахиса.

Все присутствующие молчали.

Ша Чжу принес, но Се Янь не ел сам — он чистил и кормил Лу Яна.

Улыбка не сходила с лица Лу Яна.

Овощи собрали и погрузили. Супруги в сопровождении Ша Чжу отправились в уезд.

Домашние Ша Чжу переговаривались:

— Ша Чжу и дома не такой усердный. Что это вообще такое?

Матушка Ша Чжу тоже хотела спросить, что это такое.

— Потерпим еще немного. Он же его не просто так гоняет. Вон, и ученый Се с ними поехал. Пусть будет так.

Потерпим. Когда дело с судом закончится, кто станет обращать внимание на Лу Яна?

По деревенской дороге Ша Чжу правил повозкой, везя супругов Се и четыре корзины овощей в уезд.

Из какого-то двора раздался крик:

— Ша Чжу поехал овощи продавать!

Из домов стали выходить люди, прося его подождать, чтобы передать с ним еще овощей.

Но Ша Чжу не стал ждать. Снег затруднял дорогу, в повозке уже было трое и четыре корзины овощей — несколько сотен цзиней. Если добавить еще, они сегодня до уезда не доберутся.

Раз он не ждал, люди пошли к его дому, чтобы узнать, в чем дело.

Лу Ян не обращал на это внимания. В повозке он обсуждал с Се Янем дела в уезде.

Надев перчатки, он взял руки Се Яня в свои, чтобы согреть их, и быстро говорил:

— От Шансицунь до уезда недалеко, минут сорок пять ходьбы. По снегу, наверное, час. Туда и обратно — два часа, так что нужно торопиться.

Лу Ян хотел, чтобы Се Янь остался в лавке. Он напишет цены, а Ша Чжу поможет с тяжелой работой. Сам же он, пока не стемнело, сбегает к восточным воротам, к знакомым, чтобы взять товар подешевле.

Нужно было купить мясо, рис, муку, а еще масло и соусы.

Раз выпал снег, сегодня можно было закупиться побольше.

Лу Ян был сообразительным и знал несколько способов достать товар по низкой цене. Можно было договориться со знакомыми, можно было представиться коробейником и брать товар со склада, а можно было брать оптом.

Мясо, рис и муку он постарается купить у знакомых — эти связи нельзя было терять, они еще пригодятся.

Остальное он попробует взять как коробейник. Нельзя было все время полагаться на старые знакомства и каждый раз так далеко ездить.

В лавке можно было продавать и другие товары. Баоцзы — обязательно, значит, основной упор на еду. Он хотел привезти что-нибудь на продажу.

Например, овощи. Он поставит у входа прилавок для образцов, а остальное будет хранить на заднем дворе и выносить по мере продажи.

Еще можно было бы торговать сухофруктами. Зимой хорошо идут семечки и арахис, а из-за свадеб — финики и лонганы. Можно было бы взять немного.

Он помнил, какие лавки были по соседству. Рисом и мукой там никто не торговал. Если он сможет достать муку по низкой цене, то и рис тоже. Продавать с небольшой наценкой, зарабатывая на обороте.

Пока их баоцзы не прославятся, продажи будут небольшими. Другие товары помогут привлечь покупателей и немного увеличить дневную выручку. Может, за месяц и правда удастся накопить нужную сумму.

— Как в бакалейной лавке? — спросил Се Янь.

— И да, и нет, — подумав, ответил Лу Ян. — У нас нет своего товара, мы просто коробейники с постоянным местом.

Чтобы быстро накопить денег, нельзя было закупать много товара. Поначалу придется много торговаться с хозяевами, а это Се Яню было не по силам.

Посмотрев на небо, он подумал, что, возможно, и сам сегодня не успеет.

— Я поеду к восточным воротам за мукой и мясом, — сказал Се Янь. — А ты договаривайся о поставках. Ша Чжу пусть останется в лавке продавать овощи.

Ша Чжу, правивший повозкой: «???»

— Я не умею продавать овощи! — в ужасе обернулся он.

Лу Ян не обратил на него внимания и спросил Се Яня:

— Ты поедешь к восточным воротам, а ты знаешь, к кому идти?

Се Янь не знал. Но после свадьбы у него появилось много связей, и он ждал, что Лу Ян ему скажет.

Лу Ян задумался. Се Янь сам вызвался помочь. Нужно было дать ему возможность проявить себя, вернуть уверенность в себе, чтобы он поверил, что он полезен, что он может помочь семье.

Он подумал, что с этими овощами можно было бы и самому поехать к восточным воротам, но там у него были долги, и за овощи хорошей цены не дадут. Сегодняшняя поездка окажется напрасной, придется еще и свои деньги докладывать. Лучше продавать здесь, у лавки.

— Поезжай к старшему брату Ло, — сказал он Се Яню. — У него дома всегда кто-нибудь есть. Если его не будет, скажи пару добрых слов, попроси старшую невестку Ло проводить тебя.

Се Янь запомнил.

По дороге дул холодный ветер. Назвав точный адрес, Лу Ян замолчал.

От разговоров холодный ветер проникал в желудок, и становилось не по себе.

Въехав в город, они миновали несколько улиц, обогнули жилой квартал и подъехали к лавке Се.

Они открыли лавку с заднего двора. Се Янь торопился, поэтому мула решили оставить на улице.

— Ты умеешь править повозкой? — спросил Лу Ян, беспокоясь за него. Се Янь был неопытен, наивен и простодушен, и отпускать его одного в незнакомый район было страшно. — Может, я попрошу Ша Чжу тебя отвезти?

Ша Чжу перестал выгружать овощи и с надеждой посмотрел на Се Яня.

С Се Янем было спокойнее, чем с Лу Яном.

— Умею, — ответил Се Янь.

Он умел ездить верхом, так что управиться с мулом было для него пустяком.

— А один не боишься? — снова спросил Лу Ян.

Се Янь улыбнулся. Его глаза сияли, но не так, как обычно. В них не было ни звездной россыпи восторга, ни солнечного жара страсти.

Он улыбнулся просто, и его обычно бесстрастное лицо потеплело. И от этого тепла у Лу Яна загорелось сердце.

Се Янь наклонился и поцеловал Лу Яна в лоб.

— Я не ребенок, — сказал он.

Лу Ян тут же понял.

Он не ребенок. Он мужчина. Мужчина Лу Яна.

Лу Ян дотронулся до щеки. Перчатка мешала, он не чувствовал жара.

Он снял перчатку и снова прикоснулся к лицу. Оно горело.

Се Янь, увидев его руку, что-то вспомнил. Он взял его руку и поцеловал тыльную сторону ладони.

То самое место, которым Лу Ян когда-то силой поцеловал его.

Лу Яна всего обдало жаром.

Невероятно. Его чжуаньюань научился флиртовать.

Какой быстрый прогресс. Нельзя быть таким умным.

Лу Ян, не желая уступать, укусил Се Яня за щеку, пробуя на вкус своего ароматного чжуаньюаня, и прогнал его.

— Быстрее поезжай! Опоздаешь — ждать не буду, уеду домой с Ша Чжу!

Эти слова прозвучали как угроза, и Се Янь их принял.

Его супруг должен возвращаться домой только с ним.

Он хлестнул мула и унесся прочь.

<http://bllate.org/book/16991/1587590>